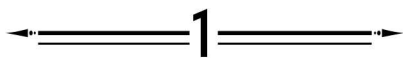

АНА ВУДС

АКАДЕМИЯ
изящных
ИСКУССТВ

ТАЙНЫ,
ЧТО МЫ ХРАНИМ

МОСКВА

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В88

Ana Woods
ROSEFIELD ACADEMY OF ARTS — The Secrets We Keep

Copyright © 2024 Piper Verlag GmbH, München

Перевод с немецкого *Галины Анеговой*

Вудс, Ана.
В88 Тайны, что мы храним / Ана Вудс ; [перевод с немецкого Г. Анеговой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Стихий любви).

ISBN 978-5-04-206817-1

В Роузфилде учатся только лучшие из лучших, и Тристан — один из них: голубые глаза, светлые кудри и необычайный талант скрипача. Как жаль, что Хейзел дала себе обещание с головой погрузиться в учебу и расследование таинственной смерти своей старшей сестры. Но чем дальше, тем очевидней: все нити ведут к Тристану...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-206817-1

© Анегова Г., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Раньше я бы ни за что не поверила,
что когда-нибудь зайду так далеко,
а теперь выходит уже моя десятая книга.
Спасибо тебе, прошлая я,
что никогда не сдавалась.*

ПЛЕЙЛИСТ

Samuel Barber — Adagio for strings, op. II²³

The Verve — Bittersweet symphony

Counting Crows — Colorblind

Maisie Peters — Feels like this

Amber Run — I found

Cody Fry — I hear a symphony

Jason Mraz — I won't give up

Yiruma — Kiss the rain

Emily Watts — La vie en rose

Adele — Love in the dark

David Garrett & Andrea Bocelli — Ma dove sei

Counting Crows — Raining in Baltimore

BANNERS — Somebody to you

Hozier — Take me to church

Panic! At the disco — The ballad of Mona Lisa

James Arthur — Train wreck

Sleeping at last — Turning page

Lana Del Rey — Young and beautiful

1

Хейзел

Одежда висела на мне мокрым мешком, пока я с большим трудом тащила чемодан по слякоти. И почему именно сегодня лило как из ведра? Будь проклята переменчивая британская погода!

Из-за дождя грязь и гравий заблокировали путь к академии, поэтому автобус не смог довезти меня до конца пути, вместо этого высадив на перекрестке заброшенной главной дороги, которая больше напоминала гравийную, и мне пришлось преодолевать оставшийся путь самостоятельно. Вдобавок ко всем бедам здание академии находилось на холме, который, конечно же, тоже полностью размяк под дождем. Иначе и быть не могло.

И хотя я свободной рукой машинально придерживала светло-коричневый тренч, дождь все равно проникал сквозь каждый шов. Вместо привычных широких шорт с завышенной талией на мне было клетчатое платье университетских цветов — бежевого и бордового, шерстяные колготки и черные лакированные туфли, но плакали все мои попытки принарядиться: пучок каштановых волос, закрепленный золотыми шпильками,

растрепался, а челка, выпрямленная в качестве исключения, теперь стояла дыбом. К сожалению, придется предстать в таком виде перед ректором Роузфилдской академии искусств, элитного университета, который в год принимает лишь по несколько новых студентов на каждую специальность, но у меня оставалась надежда, что за это меня не выгонят с позором.

Изучать классическую музыку и получить специальность «фортепиано» в таком месте — моя давняя мечта. В прошлом году я провалила вступительный экзамен и считала, что мои шансы равны нулю. Несколько недель назад мне одобрили место с частичной стипендией, и я не могла поверить своему счастью. Даже сейчас осознание реальности происходящего все еще не приходило. Наверное, я поверю только в понедельник, когда начнутся занятия.

Напрягаясь изо всех сил, я тащила багаж последние несколько метров вверх по улице, обходила многочисленные камни, стараясь не поскользнуться на слякоти.

Из-за сильного дождя здание снизу было почти не различить, но теперь, оказавшись прямо перед ним, я ощутила волнение и восхищение.

Прикрыв лицо от дождя рукой, я запрокинула голову. Огромные парадные ворота, по стилю напоминавшие барокко из-за расположенных по бокам пилястр, производили неизгладимое впечатление. Холодный бежевый камень украшали бесчисленные художественные орнаменты, а высоко над полуциркульной аркой красовался герб в форме щита, обрамленный узором вьющихся роз. На девизной ленте было написано название

университета, а на щите красовались связанные между собой лентами балетные туфли, театральная маска, ножницы с иглой и ниткой, молот, долото и ноты.

Уголки губ непроизвольно поднялись, и на мгновение я даже забыла о том, что все еще стою под дождем. Я здесь, здесь, в Линкольншире, стою у ворот одной из самых престижных в мире академий искусств!

Когда небо пронзили яркие молнии, залившие его ослепительным светом, я еще раз глубоко вдохнула и вошла в просторный сад, за которым располагалось главное здание, выстроенное буквой П. На фоне плотного слоя облаков величественно высились шпили. Шум льющегося с фронтонов дождя, время от времени прерываемый глухими раскатами грома, напоминал оркестр.

Мощеную центральную дорожку заливали лужи. В саду оставались всего несколько человек, некоторые укрылись под деревьями. Должно быть, в солнечный день тут невероятно красиво: аккуратные лужайки в цветущих кустарниках и живых изгородях, фонтаны по обе стороны, словно столбы водопадов, — но сейчас это великолепие погружалось в унылый серый, будто кто-то лишил цвета насыщенности.

Я ускорила шаг, и каблучки зацокали по камню. Звук был таким громким, что, казалось, он заглушит даже шум дождя.

Когда главное здание было уже рядом, колокол пробил шесть. Внезапный звон заставил меня вздрогнуть, и ручка чемодана чуть не выскользнула из рук. Я быстро вбежала по ступенькам к крытому входу. Темное дерево массивной двойной двери пугало, ведь она была

единственным, что отделяло от новой жизни. Одно дело — мечтать об этой жизни, другое — оказаться здесь в реальности.

— Давай, Хейзел, ты справишься, — подбадривала я себя, хватаясь за тяжелую вычурную ручку. Пальцы потянули ее вниз, и дверь отворилась.

— Смотри, куда идешь, — прошипела блондинка моего возраста, протискиваясь мимо меня наружу. При этом она хлестнула меня по лицу своими волосами, собранными в конский хвост, сдвинула брови и осуждающе покачала головой, прежде чем спуститься по ступенькам.

Будучи слишком растерянной, чтобы отреагировать, я проморгалась и стала смотреть ей вслед, пока она не растворилась в дожде. Это что было? В конце концов, *она* налетела на меня, а не наоборот. Проглотив нарастающий гнев, я переступила порог. Меня окутало приятное тепло, озноб прошел, и на коже осталось лишь легкое покалывание.

Фасад здания впечатлял, однако внутренний вестибюль превосходил все. Затаив дыхание, я осматривала и впитывала архитектуру. Каменный пол украшала темная мозаика с изображением герба академии. С потолка, убранного лепниной, свисала сверкающая люстра, очень древняя на вид — ей наверняка насчитывалась не одна сотня лет.

Несколько студентов прошмыгнули мимо, не обратив на меня внимания. Я медленно двинулась к широкой лестнице, устланной толстым бордовым ковром. Даже через подошву он казался мягким и роскошным.

Как можно аккуратней подняв чемодан на первую ступеньку, я пошатнулась под его невесть как набравшимся огромным весом: бóльшую часть вещей мне должны были доставить только на следующей неделе, и внутри лежала только самая необходимая одежда и одна из предоставленных университетских форм. К счастью, ее придется надевать только по особым случаям и на экзамены, *чтобы укрепить чувство общности*, как говорится на сайте. Это не работало еще в моей школе в Кардиффе: то, что все одинаково одевались, не означало, что все были равны, и всегда находился кто-то, кто напоминал об этом.

Кабинет ректора располагался на втором этаже северного крыла, в котором также находился факультет изобразительных искусств. Помимо искусствоведения, факультет включал в себя отделения живописи, скульптуры и графики.

У каждого факультета имелись свои аудитории в двух других крыльях. На каждом этаже эти крылья соединял переход. Исполнительские искусства преподавали в западном крыле, к которому примыкал университетский театр.

Для факультета дизайна около двадцати лет назад построили отдельное здание, а факультет музыки — мой — располагался в восточном крыле. За ним находился концертный зал, и мне не терпелось в нем побывать. До этого я видела университет лишь на фотографиях, так как вступительные экзамены проходили в Лондоне. Пребывание здесь разожгло во мне невообразимый огонь.

Коридор казался бесконечным. Справа, пропуская тусклый свет, тянулись высокие окна, слева располагались многочисленные двери, которые выглядели почти одинаково. Я взглянула на номера первых двух кабинетов и пошла в противоположном направлении.

Хотя семестр еще не начался, по второму этажу сновали студенты-искусствоведы. Вероятно, такие же новички.

Вообще-то, и у меня были мысли приехать раньше, но хозяин кафе не смог найти мне замену. Не то чтобы эта проблема касалась меня, но мы состояли в хороших отношениях: он дал мне работу бариста, хотя у меня не было ни таланта, ни опыта, и не уволил меня сразу, а дал шанс, поэтому мне не хотелось его подставлять. По этой причине оставался лишь вечер субботы перед началом учебы, и у меня почти не было времени устроиться и осмотреться. К счастью, ориентироваться оказалось довольно легко. Я остановилась перед дверью, рядом с которой висела золотая табличка с надписью «Александр Кавано», и еще раз окинула себя взглядом.

Вид у меня был просто ужасный. Наверное, следовало сперва забежать в уборную и поправить прическу, но я уже опаздывала. Конечно, мне удалось позвонить и предупредить, что автобус ненадолго задержался из-за дождя, но на такое место, как Роузфилд, это точно произвело не самое лучшее впечатление.

Я трижды постучала и стала ждать.

За дверью слегка прокашлялись.

— Войдите.

Кабинет оказался довольно просторным. Темный ковер немного выцвел, но это не лишало его очарова-

ния. Вдоль стен выстроились книжные стеллажи шоколадного цвета, на которых хранились многочисленные толстые книги в кожаных переплетках. Небольшая дверь соединяла кабинет с соседним помещением, где, должно быть, находился секретарь. В центре стоял письменный стол из красного дерева, за которым сидел ректор Кавано.

Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, бордовый пиджак — тщательно выглажен, как и белая рубашка с клетчатым галстуком. Он положил руки на стол, скрестив пальцы, и посмотрел на меня своими зелено-голубыми глазами. Спокойное выражение лица не выдавало его настроения.

— Мисс Гиббс. Как хорошо, что вы пришли. Вижу, вы попали под дождь. Мне очень жаль. Прошу, присаживайтесь. — Его голос казался дружелюбным, тогда как лицо оставалось каменным. Он указал на свободный стул перед собой.

Я поставила чемодан рядом с дверью, сняла пальто и разгладила платье — ну, по крайней мере попыталась, — затем пододвинула обитый бархатом стул, села и тут же почувствовала угрызения совести, потому что обивка тут же промокла.

— Спасибо, — начала я, пристраивая слегка дрожащие руки на колени. — Для меня правда большая честь, что меня приняли в академию. Благодарю за этот шанс, я вас не разочарую.

По дороге сюда я мысленно прокручивала этот разговор множество раз, но все равно нервничала и боялась сказать что-то не то.

Уголки губ ректора Кавано дернулись.